

правлен не столько в прошлое, сколько в будущее. Заставляя нас мысленно продолжить хрестоматийную лермонтовскую цитату, пластично введенную в стихотворение, поэт выражает надежду на такое «грядущее», которое бы не было ни «пусто», ни «темно»...

На это и работает его новая книга. Книга, где Кушнер обрел наконец возможность обстоятельно поделиться с читателем своими историческими раздумьями, надо сказать, всегда отличавшимися глубиной и неконъюнктурностью. Он смог еще шире развернуть свой многолетний диалог с Мандельштамом — диалог не столько об искусстве, сколько о жизни.

Впрочем, все это отнюдь не означает, что в своей новой книге Кушнер изменился. Он просто резко повернулся к себе настоящему, став самим собою в гораздо большей степени, чем в предпоследних сборниках, в которых, что ни говори, а чувствовалась, давала себя знать сильнейшая психологическая усталость: стихи становились сухими, монотонными, излишне филологизированными. Открыто заявляя о своих гражданских тревогах, не сдерживая хлынувших ассоциаций, не подавляя возникающих догадок, Кушнер возвратил своей поэзии необходимый тонус.

Но ведь это — результат не только внутренних усилий, но прежде всего внешних, объективных обстоятельств. Свежая газета легла рядом с любимыми старыми книгами. Кушнер раскрывает ее в первую очередь: «„Московские новости“... Знали бы вы, с каким напряженьем их ждут в Ленинграде...»

И. Винокурова.

ВЛАДИМИР УСПЕНСКИЙ. Тайный советник вождя. Роман. «Простор», 1988, № 7—9.

Люди моего поколения в детстве засыпали и просыпались под несмолкаемые звуки гимна, несущегося из репродуктора: «О Сталине мудром, родном и любимом...» Эти застрявшие в памяти слова сейчас кажутся кощунственными, и можно ли найти в наши дни человека, способного употребить в адрес Сталина эпитеты: «мудрый», «добрый», «великий»? Но оказалось, что найти такого человека не составляет труда. Он заявил о себе в столице Казахской ССР. В романе, опубликованном на страницах русскоязычного журнала «Простор» тиражом около 80 тысяч (в этом году должно последовать и продолжение), московский литератор Владимир Успенский устами своего главного героя, белого офицера Лукашова, слагает Сталину дифирамбы в том самом высокопарном стиле 50-х годов.

Почему кадровый офицер царской армии, сделавшись тайным советником вождя, стал выразителем отнюдь не тайных чувств автора, догадаться нетрудно; уж если белый, потенциальный враг большевиков покорен личностью Иосифа Виссарионовича, то что остается делать нам, красным?

История знакомства Лукашова и Сталина вызывает в памяти пресловутый заячий тулупчик Гринева. Достаточно было вежливо-

го разговора офицера генштаба с солдатом-«инородцем» Джугашвили в Красноярске, чтобы потом, под Царицыном, Сталин, узнав его, спас Лукашова жизнь и приблизил к себе. Благодаря этому Лукашов не только становится свидетелем и участником боев за Царицын, но присутствует при расприх Сталина с Троцким, при беседах с Орджоникидзе и Фрунзе, наблюдает, как складываются отношения большого Ленина с генсеком, видит Сталина в момент его «вдохновенной» работы над «Клятвой».

Однако в первую очередь не политические и военные таланты вождя привлекают его внимание, а тщательно фиксируемые в записках тайного советника высокие душевные качества Сталина. Ими он не устаёт восхищаться.

Из дневников Лукашова мы (порядком удивившись) узнаем, например, что Сталин был совершенно по-детски доверчив: «...и на себе испытал я такое вот полное, безоглядное доверие Сталина, очень располагавшее, привязывавшее к нему. Такому доверию просто невозможно изменить, его невозможно не оправдать».

Еще одну черту, никем из современников не подмеченную, открыл в Сталине его советник: вождь незлобив и не помнит зла, причиненного ему другими. Едва член РВС южного фронта Сталин замечает, что командующего Десятой армией Егорова мучат воспоминания о том, как его полурота в 1905 году преградила дорогу тифлисским демонстрантам, среди которых был и Джугашвили, как с голубиной кротостью утешает последнего: «Зачем мучиться? Сели бы мы с вами за стаканом чаю, поговорили бы о Тифлисе... Как говорит пословица: кто старое помянет...»

Любую самую мелкую ссору миролюбивый Сталин, по заверению его летописца, переживает очень тяжело, поскольку ему свойственно стремление к невозмутимой гармонии. «Ему хотелось, чтобы он сам и все, связанное с ним, было абсолютно правильным, безупречным, надежным».

Широко известное, неоднократно повторенное замечание Ленина о грубости Сталина никак не ложится в строку «саги о вожде», и автор ее решительно опровергает Ленина: «Но я не считаю, что по натуре своей Сталин был груб, невнимателен к людям. Отнюдь... Заботливо относился к друзьям, охотно советовался с теми, от кого надеялся получить разумный совет».

У читателей романа, которым предложили познакомиться со столь добродетельным Иосифом Виссарионовичем, обязательно возникнет недоуменный вопрос: а как же все эти яркие достоинства будущего генералиссимуса увязать с тем, что мы сегодня называем сталинщиной? Ответ, который дает Успенский, обескураживает своей простотой. «Трудно, — пишет он, — невозможно понять и объяснить перелом в психике Иосифа Виссарионовича, начавшийся к концу двадцатых годов... если не учитывать те неприятности, которые обрушились на Сталина в личной жизни». Иными словами, во всех тех преступлениях, какие приписываются Сталину, виноват вовсе не он, а совсем другие люди — его теща, жена и сын.

Судите сами: теща товарища Сталина «бедами покачивала, как этуаль на бакинской набережной... До самой смерти в мыс-

лях и разговорах Ольги Евгеньевны главным было то, что она именовала „любовью“. А кроме этого, «неприличная» теща занималась еще и тем, что постоянно заставляла зятя куда-нибудь пристраивать членов многочисленного клана Аллилуевых. (Куда именно «пристраивал» их покладистый зять, автор не уточняет, но для нас сейчас это не является тайной: главным образом — в колымские и соловецкие лагеря.) Дочка же «этуали» была и того хуже. Она, «сидючи дома, сладко кушая и вволю отлеживаясь, только обрела женское понимание, женскую страсть...». Эта последняя фраза хоть и косноязычна, зато полна зловещих намеков и может служить ключом ко многим трагическим событиям, потрясшим в скором времени страну. Но пока еще в семье Сталина царит мир. «Все тихо и мирно было в семье Сталина в ту пору: с конца двадцать шестого по двадцать восьмой год». И никто из соотечественников, живших в те времена, не мог предположить, что грядет черный двадцать девятый год, несущий гибель и разорение тысячам крестьянских хозяйств. Поскольку как раз на заре этого года, к нашему общему несчастью, у Васи оборвалась подтяжка. «Днем Шура Бычкова ушла, как обычно, гулять с детьми, но что-то случилось у Васи: пуговица оторвалась или подтяжка, и они возвратились в Neurочное время. Василий ворвался в комнату матери, няня вошла следом и обнаружила там Надежду Сергеевну и Якова в положении, несколько странном для обычной бе-

седы... Удар оказался совершенно неожиданным для Иосифа Виссарионовича и поэтому особенно болезненным».

И пошло-поехало: обманутый в лучших чувствах муж и отец, ослепленный обидой, начал крушить все вокруг. И хотя сокрушил он, как известно, многие миллионы ни в чем не повинных людей, писатель Успенский предлагает нам понять и простить.

Каким словом можно обозначить тот удивительный психологический феномен, когда наши современники, каждый день узнавая из газет и журналов все новые и новые подробности страшных преступлений палача, тем не менее выступают в судах в роли его адвокатов или торопливо реставрируют иконописный лик «отца народов»? Историк Ключевский назвал это «холопством» и дал исчерпывающий анализ такого явления: «Схема истории холопства в России. Военное или экономическое насилие превратилось в юридический институт, который посредством продолжительной практики превратился в привычку, а она по отмене института осталась в нравах, как нравственная болезнь». Долг общества — избавляться от своих болезней.

В бурных дискуссиях, которые ведет о романе Успенского общественность Казахстана («Казахстанская правда» от 8.11.1988, «Известия» от 2.1.1989), звучат слова и о том, что публикация его — акция, направленная против перестройки. С этим трудно не согласиться.

Г. Корнилова.